

ЖС 35

Р 28,124.

Александр Жаров

**РОДИНА
РАДОСТИ**

Александр Жаров

**Р О Д И Н А
Р А Д О С Т И**

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941

С Т И Х И

Г Р А Н И Ц А

Когда переходит границу
Советского войска боец,
Его восхищенно встречает
Биение братских сердец.

Ему открывает объятия
Идущий навстречу народ.
И каждый приветливо руку,
Как другу, ему подает.

Его приглашают ответить
На первый и главный вопрос:
Не здесь ли находится Сталин,
Кто лучшую долю принес?

Боец отвечает с улыбкой,
Отдав по-военному честь:
— Наш самый большой полководец,
Наш Сталин, товарищи,— здесь.

Он с нами. Он в каждом походе
К победе указывал путь.
Он — здесь... И взволнованно руку
Боец опускает на грудь.

Не все понимают по-русски,
Но всякому ясен ответ...
Преград на пути нашей дружбы
Отныне, товарищи, нет.

НА УЛИЦЕ В ТАРНОПОЛЕ

На улице в Тарнополе
Шептались ночью тополи.
Случилось полицейскому
Стоять невдалеке.

Стоит в тени. Не дышит он.
Невнятный шопот слышит он
На странном, недозволенном,
Не польском языке.

С великим опасением
К начальству с донесением
В центральный штаб полиции
Спешит он напрямик.

И тою же дорогою
Идет назад с подмогою
На место происшествия:
Установить язык.

Тяжелый труд, поистине,—
Услышав шопот лиственный,
Решить с предельной точностью:
Какая это речь.

Старались полицейские
Понять слова злодейские,
Чтоб замыслы преступные
В зродыше пресечь.

Мозгами пораскинули.
По чарке опрокинули.
На бланк постановления
Взглянули веселей.

Сошлись на том, что слышали
Над городскими крышами
Советское наречие
Полтавских тополей.

— Сюда пилу зубатую!
— Сюда топор с лопатою!
— Бей по стволу ветвистому!
— Смерть корню и листе!..

Гуцулы молчаливые
В усы подули сивые,
Завидев красных конников,
Сказали:— Хай живе!

ТАНКИСТЫ

Возле леса, у горного склона,
Где шумел по-осеннему клен,—
Танк советский,
В бою поврежденный,
Панской бандою был окружен.

Он стоял недвижимой громадой.
Боевая звезда на груди...
— Генерал обещает пощаду.
Проше пана,
Скорей выходи!

— Выходи!—
Офицеры кричали,—
Из темницы железной на свет!..
Пулеметную очередь дали
Боевые танкисты в ответ.

И, пока не иссякли патроны,
Комсомольцы косили панов.

Отступали бандиты по склону.
И пошли
В наступление вновь.

В башню танка метали гранаты.
Но граната броню не берет.
— Выходите,
Танкисты-солдаты,
Вам сдаваться приходит черед.

А иначе одно остается:
Вас бензином облить и зажечь!..
— Большевик никогда не сдается!—
До поляков
Доносится речь.

И в придачу, как гром, прозвучала
В башне песня Советской земли.
В этот час, рокоча, с перевала
Наши танки
На выручку шли.

В белорусском селе, у колодца,
Повторяет
Свободный народ:
«Большевик никогда не сдается,
Ни к кому на поклон не идет»...

ВЫСОТА

Размышления новогодние,
Набегающие гурьбой,
Снова в памяти нашей подняли
Отгремевший недавно бой.

Мы не начали, мы ответили
Мы уйти не могли с поста.
Самым верным тому свидетелем —
Заозерная высота.

Там, на склонах ее, показана,
Закалявшаяся в огне,
Сила стойкости, сила разума,
Сила преданности стране.

Над приморскими над просторами
Поднялась высота, горда.
Это та высота, которая
Не понизится никогда!

БЕССАРАБИЯ

*Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русской полна.*

А. С. Пушкин

Как на правый на берег Днестра
Собирался боец молодой:
Там в неволе томилась сестра
И грустила, склонясь над водой.

Ожидала. Махала рукой.
Краснозвездного брата звала...
Услыхали мольбу за рекой,
У колхозной криницы села.

•
Передали в столицу слова
Долетевшей до сердца мольбы.
Повернула столица-Москва
Колесо бессарабской судьбы...

Там, где бедной деревни конец,
Где густой начинается лес,—
Опустился советский боец
На молдавскую землю с небес.

Опустился. Свернул парашют.
И увидел с опушки лесной,
Что крестьяне навстречу идут
И кричат ему: «Здравствуй, родной!»

Нежно встретила брата сестра.
Распахнула приветливо дверь.
У советской реки, у Днестра,
Берега неразлучны теперь.

ЖИВОЙ БОГАТЫРЬ

Живет на гордой родине армян,
Среди неумирающих сказаний,
Сказанье о народном великане.
Давид Сасунский — этот великан.

Сердцам людей он близок с давних пор.
Молву о нем восторженно встречая,
Быстрее мчатся воды Арпачая,
Резвей струится вольный ветер гор.

За горной цепью слышен гул морей.
Колышутся взволнованные дали.
Они героя древнего узнали
Живым в живой семье богатырей.

Усыновлен Давид в моей стране.
Героя чтит народ многоплеменный.
Его мечом разил врагов Буденный.
Скакал Чапаев на его коне.

И вот, когда священный долг зовет
Откликнуться на зов народов братских,
Он, богатырь в красноармейской каске,
Плененным братьям руку подает.

СЕДОВЦАМ

Герои небывалого похода!
Когда обнимет Сталин вас в Кремле,
Вы ощутите весь восторг народа,
Всю радость близких на большой земле.

Сердца, в которых подвиг ваш отмечен,
Быстрее забьются в этот светлый час.
С тревогою они рвались навстречу,
Навстречу каждому из вас.

И вот вы с нами, дорогие, снова —
В кругу друзей, в кругу семьи родной.
Отныне слава моряков «Седова»,
Не увядая, реет над страной.

Победой вашей всей земле гордиться,
Когда придет для всей земли весна.
История! Прими в твои страницы
Пятнадцати героев имена.

ЧКАЛОВ

Богатырь былинного размаха,—
Он легендою при жизни стал,
Человек, который, кроме страха,
Все на свете чувства испытал.

Берег Волги, стройный бор сосновый,
Песенники на речном плоту —
Помнят, как мужал светлоголовый
Юноша, влюбленный в высоту.

Нам, свидетелям орлиной хватки,
Памятен, скрепленный славой, путь
Чкалова, кто с Волги до Камчатки
Мог в полёте руку протянуть.

Хор Скалистых гор! Пропой сурово
Сказ о том, как первый большевик
Прорывался с полюса земного
На Американский материк...

Песня, словно жизнь его, простая,
Дрогнувшее сердце отогрей!
Чкаловской сноровкою блистая,
Реет в небе сталинская стая
Наших молодых богатырей.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Услышав
Сынка задремавшего крик,
Подходит к кроватке
Отец в тот же миг.

И видит:
Поднялся в испуге малыш...
«Ты что ж это,
Мой драгоценный, не спишь?»

Сынок огляделся
И на ноги стал.
Немного волнуясь,
Сказал, что... летал:

«Летал без мотора,
Летал без винта,
Без крыльев летал...
А кругом... пустота...»

Тут я испугался...
Проснулся...» —
«Ну, что ж,
Хорошее дело:
Летаешь — растешь...

Когда же задумаешь
Летчиком стать,
То помни,
Что надо без страха летать».

— «Еще бы не помнить...
В Советской стране
Пилоты пугаются
Только во сне»...

ЗАПЕВ

Мне снилось,
Что полночью сонной
Друг другу поведать сердца
Сошлись у криницы студеной
Два громкоголосых певца.

Один запевал под бандуру.
Под гусельный говор — другой.
В раздумьи
Две вербы понурых
Дремали под струнный прибой.

Про чистые слезы печали,
Про прежнее горе страны
С надеждой на счастье звучали
Две разноязычных струны.

В размере
Простом и горячем

Их песенный голос крепчал.
Один — по-украински начал.
По-русски другой отвечал.

Словами участия и ласки
Взлетали в полночную высь
Те песни,
В которых по-братски
Два сердца народных слились.

До нас,
До рассветного часа,
Запев двух сердец не угас.
Одним был Микола Некрасов.
Другим был Шевченко Тарас.

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Песня

Белая береза. Листья золотые
Звонко осыпаются, по ветру летят.
Девушек колхозных песни молодые
В поле, на просторе звучат.

В поле, на просторе девушки гуляют.
Встреча урожайного, праздничного дня.
Девушки гуляют, милых вспоминают.
Кто-то называет меня.

Кто-то называет нежными словами.
Голос переливчатый слышу у двора.
Время призывное. Мне проститься с вами,
Девушки, настала пора.

Мне пора настала дать бригаде слово:
Буду в Красной Армии лучшим из бойцов.
Славу нашей жизни и села родного
Я в бою умножить готов.

Я иду прославить молодость колхоза,
Вас, мои веселые, верные друзья.
До счастливой встречи, белая береза,
Славная подруга моя.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Дж. Алтаузену

Дай же на тебя мне наглядеться,
Волнами звенящая лазурь,
Море чистое
И ясное, как детство,
Полное предчувствиями бурь.

Если только можешь, на прощанье
Пожелай мне, море, добрый путь.
Хоть частицу твоего дыханья
Дай мне в песни новые вдохнуть.

Мне не надо славы и почета.
Штормовая сила мне нужна,
Чтобы пенилась моя работа
И кипела, как кипит волна.

Но сегодня приутихла ярость.
Это в честь прощанья день хорош..

Полыхает вдохновенный парус,
Сея в сердце молодости дрожь.

Если я когда-нибудь состарюсь,
Ты мне, море,
Молодость вернешь.

Дай же на тебя мне наглядеться,
Волнами звенящая лазурь,
Море, чистое
И ясное, как детство,
Полное предчувствиями бурь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Я к прибою простираю руки.
Под ногами жаркий хруст песка.
После долгих месяцев разлуки
Даль морская снова мне близка.

Мчат валы, друг друга настигая.
То взлетая, то едва видна,
Ты со мной играешь, золотая,
Косы разметавшая волна.

Звездами, которых нет на небе,
Каждый твой унизан завиток.
Ты подходишь. И стеклянный гребень,
Разбиваясь, падает у ног.

Я тебя не мог забыть, шутница.
За признание смейся надо мной:
Мне московскими ночами снится
Твой наряд прозрачно-кружевной.

Вот и улетучилась усталость.
Ни обид... ни горя... ничего...
Солью на губах моих осталась
Свежесть поцелуя твоего.

НА ВОЛГО-КАНАЛЕ

Романс

Лунным вечером уходим
По дороге синевы
На красавце-пароходе
От красавицы-Москвы.

Над кормою дыма кольца
Поднимаются, легки.
Запевают комсомольцы,
Подпевают старики.

Ветерок, напеву вторя,
Шевелит речную гладь.
Я хочу в московском море
О любви тебе сказать.

Проплывем еще немного,
И волной польется речь...
Только лунную дорогу
Поскорей бы пересечь.

.
Берега проходят мимо.
Над водой шумит листва.
Мы с тобой неразделимы,
Словно Волга и Москва.

Н. Н. АСЕЕВУ

На волосы ложится снег.
В глазах еще синеет лето.
Неслышным шагом
Входит век,
Как в комнату, в судьбу поэта.

Вошел.
Зовет на торжество:
— Нет недомолвок между нами. —
И ты приветствуешь его
Высокогорными стихами.

ОСТАФЬЕВО

Добрый тополь со столетним стажем
Возле окон дремлет верным стражем.
Впрочем, можно ль быть ему иным,
Если этот тополь здесь посажен
Стариком Карамзиным?..

«Пережил он многое и многих»,—
Как когда-то Вяземский сказал.
Вдоль стены колонн больших и строгих
Проходил тут
Пушкин в круглый зал.

Пушкин,
Дельвиг, Вяземский, Жуковский,—
Вдохновенной дружбы тесный круг,—
Уходя от суеты московской,
Здесь вот проводили свой досуг.

В коридоре липовой аллеи
Шумный спор вели на все лады.
Исполинской славю овеян,
Старый парк
Хранит ее следы.

Может быть, впитала в тихий шелест,
В шум листвы живую речь друзей
Строгая, потомственная прелесть
Этих лип
И этих тополей?

Может, это ярких строф премудрость
Хочет передать сосновый звон?
Может, это пушкинские кудри
Поднял к небу
Темнорусый клен?..

Вот и сам он, бронзовый свидетель
Небывалых сдвигов мировых,
Погляди из глубины столетий
На счастливых
Правнуков твоих!

Свой живой восторг тебе приносят
В этот уголок далеких лет
И животновод-орденоносец,
И совхозный техник,
И поэт.

Твой чудесный дар
В сердцах рассыпан:
И понятен, и непостижим.
Не сравниться тополям и липам
С неумолчным именем твоим!

Стонет тополь, сын былого века,
Под ветрами беспокойных дней.
Ну, а ты — все ярче, все светлей!
Потому что гений человека
Долговечней лип и тополей!

ПЕСНЯ О ЗВЕЗДАХ

За черту городскую, на воздух
Пионерский выходит отряд
Посмотреть, как вечерние звезды
Над привольным простором горят.

У костра, в полумраке мечтая,
Светлой мыслью уносимся в высь,
К дальним звездам родимого края,
Под которыми мы родились.

Верный друг, комсомолец-вожатый,
В этот час хорошо говорит
О звезде, что на небе закатном
Путеводною точкой горит.

Звезды счастья мы ищем глазами
Над тобою, родная земля...
И, мерцая, вдали перед нами
Зажигаются звезды Кремля.

Озаренные ими навеки,
Улыбаясь, глядим на восток.
И поем о большом человеке,
Кто московские звезды зажег.

Будем плавать, летать мы и ездить,
По широкому миру бродить
И во всех поднебесных созвездьях
Свет Кремлевской звезды находить.

РУЧЕЕК

На полянке на тенистой,
Неширок и неглубок,
Целый день водою чистой
Льется светлый ручеек.

Течет ручеек.
Поет ручеек.
Зовет ручеек куда-то.
Бежит ручеек.
Спешит ручеек.
Вдогонку за ним ребята.

Бегут, сверкая ножками,
Тропинками,
Дорожками,
Зеленым бережком.
Бегут
За ручейком.

Мы устроим перекличку
От палаток вдалеке,

Там, где чистую водичку
Отдает ручей реке.

Бежал ручеек.
Журчал ручеек.
Пропал ручеек куда-то.
Купаться пошел.
В реке хорошо.
Вдогонку за ним ребята.

Окунуться в свежей влаге
Пригласила нас река.
А потом обратно, в лагерь,
Вдоль другого ручейка.

Бегут, сверкая ножками,
Тропинками,
Дорожками,
Зеленым бережком —
Бегут за ручейком.

Течет ручеек,
Поет ручеек,
Зовет ручеек куда-то.
Бежит ручеек,
Спешит ручеек,
Вдогонку за ним ребята.

П Е Р Е В О Д Ы

Иоганнес Барбарус

Перевод с эстонского

—

ПОД ЛУПОЙ ВРЕМЕНИ

Я ваш по крови, по природе,
По цвету кожи и волос,—
Но все ж я, видно, первый в роде,
Кто бородою не оброс.

От плуга, от цветных просторов
Я удалялся стороной.
Я выпал из семьи, в которой
Жнут то, что сеяли весной.

Вам важно каждый день в загоне
Своих коней да телок счесть,
Никто из вас пока не понял,
Что у меня на сердце есть.

Вам важно, чтоб зерно созрело,
Чтоб кур едва вмещал насест.
Вы голод гоните умело
От ваших хат, из ваших мест.

Поэзия, как лошадь в сбруе,
Всегда немного голодна —
И все ж идет напропалую
С мешком без сена и зерна.

Ее питает спозаранку
Особый свет, особый звук.
Идет она с такой осанкой,
Какую смерть собьет не вдруг.

Вспоенный кровью вековой,
Я в нашем роде пионер,
Собравшийся явить собою
Рисунок на стене пещер.

Я свет прошедших поколений
Собрал в себе и вам принес.
Мой шаг направлен в луг весенний,
В нетронутую россыпь рос.

Мария Ундер

Перевод с эстонского

—

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Ты — мое чистое золото, ты — мой пригожий
ребенок.

Личико ярко сияет. Тающий смех на губах.
Черные глазки твои бархатистым отливом
Душу мою согревают, сердце мне сладостно жгут.

Как я люблю тебя, нежное пламя мое золотое,
Лучики рта, угольки чернобархатных глаз,
Россыпь волос золотистых, и ручки, и ножки,
Свет пробудившейся крохотной робкой души.

Как хорошо сознавать, что теперь еще в силах
Я отвести от тебя огорченья смешные твои,
Высушить слезы, украсить весельем и лаской
Твой безмятежный рассвет, мое дорогое дитя.

Скоро исчезнут беспечные дни золотого восхода,
Ночи, чью сладость хранила частой бессонницей
мать.

Ручки и ножки твои скоро станут большими,
Смело забьется сердечко, в глазках серьезность
блеснет.

Станут большими тогда и заботы твои, и печали.
Матери дочку придется с жизнью оставить вдвоем.
Встретит тебя ураган, разъяренные бури
Болью неожиданной наполнят грудь молодую твою.

Будешь сама пробиваться ты сквозь непогоду
страданий.

Сердцем большим и суровым станет сердечко твое...
Жизнь уклониться не даст от ответов о многом.
Знаю, что буду бессильна бедной дочурке помочь:
Мне и самой еще нужно — спрашивать, думать,
искать.

Токтогул

Перевод с киргизского

РАСЦВЕТАЙ

Наденьте жаркий черный шелк
На плечи, девушки, сейчас.
Весельем молодости пир
Отмечен, девушки, у вас.
Жизнь лишь однажды посетит.
И не возвратно улетит.
Тот смех других не замечал,
Кто сам смеяться не умел.
Не старьте, девушки, себя.

Веселье — юности удел.
Наденьте жаркий красный шелк
На плечи, девушки, сейчас.
Покамест сердце горячо,
Далече грусть-печаль от вас.

Жизнь лишь однажды посетит.
И улетит... И улетит...
Тот смех других не замечал,
Кто сам смеяться не умел.
Ликуйте, девушки!.. Любовь
И наслажденье — ваш удел.

Пусть будет радостным вполне
Весны девической рассвет.
Вы в годы юности своей
Вольны цвести, как мальвы цвет.
У жизни, девушки, для нас
Есть где-то старость про запас.
Тогда, увы, исчезнет смех.
Протрубит время в черный горн...
Проглотит нас холодный мрак.
Придавит нас могильный дерн.

Токтогул

—

А Л Ы М К А Н

Ты, как сбруя коня, золота.
Ты, как свежий цветок, налита.
Я был здоров. Я заболел
Тобою, моя Алымкан.

Ты — степь моя, густой ковыль,
Ты — мой тенистый дол.
О, сколько ласки, доброты,
Сердечности в тебе нашел...

Над вершиной бухарской горы
Реют птицы до поздней поры.
Ты в этот час приди ко мне,
Уйми мой недуг, Алымкан.

Над Кашгарской вершиною гор
Стаи птиц наполняют простор.
Ты сердце мне не разрывай:
К страдальцу приди, Алымкан.

На платке твоём желтый узор.
Он слепит мой взволнованный взор.
Ты платок с голубой каймой
С собой принеси, Алымкан.

Слушай, как Токтогул заиграл
В честь тебя свой напев «Джаш-Киял».
Ты белым шелковым платком
Мне ночью махни, Алымкан...

Ты — степь моя, густой ковыль.
Ты — мой тенистый дол.
О, сколько ласки, доброты,
Сердечности в тебе нашёл.

ВАРЯ ОДИНЦОВА

п о э м а

ШТРИХИ ДЕТСТВА

Деревенька «Малые Сосны».
Здесь начало житья-бытья.
Варя стала в районе взрослой.
В «Малых Соснах» была дитя.

Получала от сверстниц клички,
От задир ребятишек пинки.
— Варя — варешка! Две косички!
Варя — бантики — завитки!..

Самый праздничный бантик Варин
Утащил в день ее именин
Востроглазый Володька Гарин,
Шаловливый соседский сын.

Раньше Вари Володька вырос.
В летной школе учили мальчика.
В семилетке Варя училась,
Да и то против воли отца.

«Сдай обратно тетрадки, книжки.
Дело выбрала не по уму.
Школа пользу дает мальчишке,
А девчонке она ни к чему.

Завтра валенки спрячу — и точка»
Как сказал, так тому и быть.
Дочка слушала. И платочком
Торопилась лицо закрыть.

Дочка дома два дня оставалась,
Возле зыбки с утра хлопоча.
Оставалась, но не сдавалась
Гневу тятки-бородача.

Чуть темнело — на печку влезала.
Братцу чепчик вязала молчком.
А на третий день побежала
В школу по снегу босиком.

Мать в испуге. Отец вдогонку.
За соседским овином поймал.
Взбунтовавшуюся девчонку
Сам он в валенки обувал.

«Ишь ты, ростом с полноготочка,
А гляди-ка, какая прыть.
Обувайся. Иди. И точка.
Как сказал, так тому и быть».

Клим Петрович длинно и чинно,
Наставительно говорил.
Он один стоял у овина.
А дочурки и след простыл.

Но сосед соскочил с постели,
Увидав под окошком след:
«Ты чего на моем наделе?» —
Зыкнул Климу с крыльца сосед.

«Ничего! У тебя в овине
Думал клад поискать в золе...» —
«Ну и ладно! Смотри — отныне
Клад ищи на своей десятине.
И не суйся к моей земле!»

Часть первая

В СЕЛЕ ЛИХВА

Год от года все веселей
Веет ветер колхозных полей.

Небо ветром вымыто
Доясна.
В небе солнце светится
И весна.

А под небом, небом нашим,
Свежий дым, горячий дым.
Это пар широких пашен
Вьется дымом золотым.

А под солнцем, солнцем нашим,
Целиной идут с утра
Грузным шагом черепашьим
Трактора.

Веет ветер ласковый
Неспроста.
Синью наливается
Высота.

В синеве проходит плавно,
Главным козырем высот,
Налетевшей туче равный,
Грозный сокол-самолет.

«С добрым утром, брат летучий,
Окруженный бирюзой!
Хорошо, что наши тучи
Для врага страшны грозой...»

Самолет проходит тенью
По долинам и холмам.
«Тракторист, мое почтение!»
Тот ответит:
«Наше вам».

Или девушка, или парень,
То под вечер, а то чуть свет,
В выходной
К Одинцовой Варе
Ходят запросто на совет.

В том, что на сердце,
В том, что в доме,—

Открываются ей во всем.
Прежде Варя была в райкоме
Комсомольским секретарем.

Нынче новое дали дело,
Но от старых забот не уйти...
Дело в том,
Что она умела
По-хорошему подойти

К бойкой девушке, у которой
Есть тревожный один секрет,
К одинокой старушке хворой,
К мальчугану,
Что плохо одет.

О сердечности Вари толки
Заводили в любой семье:
«Прямо невидаль:
К комсомолке
Ходим, словно к ворожее».

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Перед самую посевной
Утром, в праздничный
Выходной—

На скамейке у плетня сидят
Комсомольцы
Тракторных бригад.

Двое в кепках. Двое в мягких шляпах.
Ранний час,— но выбриты уже.
Над скамейкою струится запах
Массовой продукции «Тэжэ».

Башмаки начищены до лоска.
На руке у каждого часы.
Брюки в складку. Пиджаки в полоску.
И платки в карманах для красы.

Обсудив текущие вопросы,
Шутки шутят, семечки лушат.
Курят «Краевые» папиросы.
Варю ждут. О Варю говорят:

— Прежде к нам ходила Варя
Часто книжки вслух читать.
А еще любила Варя
Всей компанией мечтать...

— Я своей довольна долей,
Мне бы только,— скажет Оля,—
Кремль московский посмотреть...

— Мне бы только,— скажет
Орден Ленина иметь...

Растерявшись на мгновение,—
— Я мечтаю,— скажет Феня,—
Выиграть велосипед...

— Я мечтаю,— скажет Женя,
Жить на свете двести лет...
Миша хочет года за три
Изучить и хлор, и натрий,—
Словом, в химии успеть.
Таня думает — в театре
Арию Татьяны спеть.

Лидочке с Павлушей мнится:
Будто кончили учиться,
В загс идут, рука в руке,
Ухитрившись объясниться...
На английском языке.

Разбитной парнишка Мотя
Полон думою одной:
Побывать, мечтает Мотя,
В беспосадочном полете
По окружности земной.

А теперь давайте спросим
Варю: что мечталось ей?
Варя в книжечку заносит
Все желания друзей.

А потом, без назиданий,
Говорит она в ответ,
Что несбыточных мечтаний
У людей советских нет.
— И тому, кто чувство это
Смог для нас завоевать,—
Я мечтаю,
В знак привета,
Руку с гордостью пожать...

— Красное платьице, белый горошек.
Туфельки лодочкой, белый берет.
Девушек много на свете хороших,
Но аккуратнее Вари нет.

— Может, она и не очень красива,
Но до чего же мила и скромна!
Смотришь: зима. Холодна, молчалива.
А улыбнется — весна!

— Только вот,— сказал Никита,—
Жизнь ее от нас сокрыта.

Девушка вошла в лета —
И никем не занята...

Не поверю, чтоб завяла
Верба та, что не цвела.
Хоть бы с кем-нибудь гуляла,
Хоть бы повод подала.

— Брось насмешничать! У Вари
Есть жених. Бедовый парень,
Летчик северных широт.
Не видались целый год.

— Если так, то понимаю,
Только все же дело к маю.
Говорят, в разгар весны
Всех девчонок донимают
Соблазнительные сны.

Вдруг приснится, например,
К слову скажем, инженер,
И представьте, что блондинке
Преподносит он пластинки,
Деликатное вино,
И пальто, да не одно!..
— Стоп, Никита! Стоп! Молчок!
Заболтался, новичок!

Со скамьи встает один,
И другой, и третий.
— Сочинитель, чортов сын,
За брехню ответишь!

Мы тебе за нашу Варю,
За такие за слова...
Засучивай рукава!
Разозлюсь — вдарю!..

Варя входит в палисад.
Варя смотрит на ребят.
— Михаил, Кузьма, Илья!
Отчего пожар зажегся?

— Пустяки... Да мы... Да я...
Занялись по части бокса.
Спорный был один прием...
Что на стройке?
Как живем?

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

— Жизнь,—
Говаривала бабка Степанида,—
Это вечный стон и темный страх.

Каждому дана своя планида,
Предначертанная в небесах.

Мяснику дано скотину резать,
Рыбаку из рек тянуть улов.
Кузнецу дано ковать железо,
Пастуху дано пасти коров.

И при этом, добавляла кротко,
Будто в жизни каждую беду
Бог заблаговременно и четко
Человеку пишет на роду.

Ей судьба сулила стать бобылкой,
Сено по чужим дворам сушить,
Домовничать, бегать на посылках,
На покойников наряды шить.

Подставляла голову обидам,
Словно ветку снежным хлопьям ель.
Но случилось так, что Степаниду
Вместе с дочкой приняли в артель.

Ни инвентаря, ни поголовья.
С тем и поступила, в чем была.
Не хотели брать. Дай бог здоровья,
Варя Одинцова помогла.

Третий год пошел. Скажи на милость,
С каждым днем невзгоды наутек.
На дворе корова появилась.
В сундуке — холщевый кошелек.

Выйдешь в поле, не удержишь крика:
«Все добро мое — и там, и сям»,
Дуся подросла. И погляди-ка:
Побивает мать по трудодням.

Дочь, на диво матери и людям,
Нынче стала мастерицей льна.
Может, скоро бригадиром будет.
А покуда — старшая звена.

Вот какую долю заслужили
Девушки, ребята, старики.
Бог кой-где еще, пожалуй, в силе.
А планиду, видно, отменили
Окончательно большевики.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Яшка Глотов — ладный парень.
Прислонившись у ворот,
Он играет на гитаре,
И поет:

«Выпьем мы за Дусю,
Дусю дорогую.
А потом, как выпьем,
Так нальем другую»...

Тятьку в ссылку угоняли,—
Яшка был навеселе.
Дядя с тетей — на канале.
Яшка — дома, на селе.

Он от тятки отрекался,
Он от дядьки отрекался,
Одинокой жизнью жил.
Прежде Мельниковым звался,
А когда в колхоз вписался,
То фамилию сменил.

Он ходил всегда веселым.
Говорить любил притом:
«Хорошо, что взят под школу
Распроклятый тяткин дом.

Двухэтажный дом сосновый
Малым деткам служит пусть.
Завтра — к Варе Одинцовой!
В комсомольцы запишусь...»

Активистом ставший ярым,
Яшка в тир ходил недаром:

На ковбойке два значка.
Да к тому ж в руках гитара
С песней про Железняка.

Перед Дусей Яшка хвастал,
Что ему-де все равно,
На какой итти участок...
И пошел в ее звено.

Яшу дусина мамаша
Расхвалила — нет житья:
— Вот бы нам, Дуняша, Яшу,
Яшу взять к себе в зятья...

Яшка в тир ходил недаром.
На ковбойке два значка.
Яшка бил наверняка:
Дусе нравилась гитара,
Песня про Железняка...

Со струны срывались звуки
И неслись под небеса.
— Как легки у Яши руки...
Темноклетчатые брюки...
Темнокарие глаза...

Сърдце девушки не камень,
Да и камень без труда

Размывает ручейками
Говорливая вода.

Не узнать никак девчонку:
Дуся выпустила чолку,
Кудри шпилькой навила.
С мелким жемчугом заколку
У подруги заняла.

Словно вниз по речке лодка,
Бойко двигались дела.
Дуся — в загс. А мать — за водкой.
В общем, долго ли, коротко ль,
Свадьба сыграна была.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

В замшевой курточке, в крагах красных
Входит в подъезд молодой человек.
— Вы Одинцова? Парторг? Прекрасно.
Я — из центра. Полярный! Олег!

— Полярник? — всплеснула руками Варя.
Летчик? Радист? Зимовщик? Рыбак?..
Слышали, может... Володя Гарин...
Тоже полярник... Мой земляк?..

— Признаться, не слыхивал о Володе.
Случай подобный легко объясним:
Я — полярник в особом роде.
Полярный — это мой псевдоним.

Полярным я, так сказать, озаглавлен,
Володе вашему не в укор.
— Вы к нам направлены?
— К вам направлен,
Как массовик и артист-режиссер.

Варя смутилась и покраснела.
— Простите. Ошиблась.— И, наконец,
Сказала:—Что ж, хорошее дело...
Только у нас не готов Дворец.

Дадим вам время для подготовки
Пока в одной из колхозных изб.
Кстати, знакомьтесь! Никита Бровкин,
Любитель сцены, наш тракторист!

— Прекрасно. Что же, играли на сцене?
— Были случаи. Между дел.
— Учились?
— В школе второй ступени.
— Пели?
— Ясное дело, пел.

— Прекрасно. Учились. Играли. Пели.
Любите музыку — Брамс, Бизэ...
Читали? Шекспир... Руставели... Шелли..
— Да мы ведь больше по ЧТЗ...

— Что же, и мне приходилось как-то
В библиотеке знакомиться с ним.
Пишет отлично...

— Да это же трактор.
А ЧТЗ его псевдоним.

— Вот как! Но я не смущен нимало.
Есть ЧЕТЕЗЭ — мыслитель, поэт.
Слышали?

— Мы-то? Провинциалы...
Где уж нам... Ясное дело, нет.

— То-то! Почтеннейший мой приятель...
А где ж эта девушка... ваш парторг?
М-да... Экземпляр, в основном, приятен,
Губки божественны.
Глазки — восторг.

Носик, пожалуй, чуть-чуть вульгарен.
Ножки зато — самый высший класс...

— Ну, и пошляк! Это вы о Варе?

— Что вы, мой друг!

Это я о вас...

Часть вторая

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

До Лихвы от «Малых Сосен»
Путь не долог, не велик.
Километров будет восемь,
Если ехать напрямик.

Только осенью несносной
И в распутицу весной
Люди едут в центр колхозный
Крюком, боком, стороной.

То налево, то направо,
То пускаются в объезд
Вкруг трясины, вдоль канавы,
Мимо поля, через лес.

Так что, если, скажем, осень
И весну в расчет принять,—
До Лихвы от «Малых Сосен»—
Километров двадцать пять.

Тихо едут да гутарят —
По обычаю отцов —
Константин Иваныч Гарин,
Клим Петрович Одинцов.

Старички плешивы оба.
Бородой — почти белы.
Но в делах колхозных оба
До сих пор еще орлы.

Огибают вязкий берег
Два соседа-мужичка,
Два врага по прежней мере,
По колхозной — два дружка.

Разговор неспешно вяжут
Про своих родных орлят.
Помолчат. Словечко скажут.
Скажут. Снова помолчат.

Привелось же к Варе в гости
Не с добром являться им!
— Да! — заметит дядя Костя.
— Да! — ответит дядя Клим.

Под колесами взопрело
Грязь пускает пузыри.
— Да, браток, такое дело...
— Да, сваток, не говори...

Дождь налил водицы за ночь...

— Урожаю будет впрок.

— Да, Петрович.

— Да, Иваныч...

— Да, родимый.

— Да, милок...

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

К вечеру доехали до села.

Выпрягли буланого в огороде.

— Дочка Варя, весточка тяжела.

Глянь-ка, что написано о Володе.

Он летал на севере надо льдом.

Кораблям указывал путь сигналом.

Видно, не вернется в отцовский дом.

Время — близко к месяцу, как пропал он.

Отвечай, надеяться или нет.

Быть слепым прикажешь нам или зрячим?

Весь колхоз затребовал твой ответ.

Как ребята малые, бабы плачут.

Константин Иваныч слезу утер.

Клим Петрович шубу в прихожей сбросил.

И покамест начали разговор
О плохой дороге из «Малых Сосен».

— В райсовете, стало быть, не до нас.
На прошение ясного нет ответа.
Мостовую строить хотим сейчас
Сами помаленьку... без райсовета.

Слушая с улыбкой отцов рассказ,
Варя укрывала свою тревогу.
— Старики! Хорошая мысль у вас:
До Лихвы пора проложить дорогу!

Насадите вишни сплошной стеной.
Трасса по фруктовой пойдет аллее.
Пусть на восемь верст расцветут весной
Тысячи цветов серебра белее!

Как-нибудь на празднике летним днем,
Только спелым пламенем вспыхнет вишня,—
Мы туда с Володей гулять пойдем...

Варя поднялась
И, заплакав, вышла.

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Секретарь совета Кручин
За столом сидит, сердит.
Стариков порядку учит.
Варе сухо говорит:

— Завдортранса райсовета,
Как известно, отпускнуой.
Председатель райсовета
В деревнях, на посевной.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— О горячке знаешь?

— Знаю.

— Значит, надо все забросить,
Обо всем забыть до срока.
Огнесем вопрос на осень.
Вам — дорога. Нам — морока.

— Третий раз вопрос относишь.
Стариков берет досада.
Ничего нельзя забросить,
Надо делать всё, что надо.

Люди сами строить будут,
Если помощь обеспечишь.

Им дорога — не причуда.
Зря колхозникам перечишь.

Кручин — малость напоятный.
— Им помочь — моя мечта. —
Желтизной покрылись пятна
Возле маленького рта.

И опять навис сурово
Гневный лоб секретаря:
— Мы, товарищ Одинцова,
Севом заняты не зря.

Споры в случае таком
Разрешать иди в райком.

Буду ставить там вопрос,
Что везде суешь свой нос.
От работы отрываешь
В посевной сезон колхоз.

— Ты не бойсь! Посев превысим! —
Раздаются голоса:—

Вот овес от вас зависит.
В райсовете дать взялися
Сортовых семян овса!

— Это было решено.
И сегодня же, не дале,
Я скажу, чтоб вам зерно
Самолучшее послали.

Варя наступает снова:

— Как с дорогой? Говори!
— Отвечать за сев готова?
— Мы готовы!
— Я готова!..

— Стройте, чорт вас поберит!

Распрощался. Не помешкав,
Накатал в райком «сигнал».
К зерновому складу спешно
Мелким шагом зашагал.

Каждый встречный мог заметить,
Что у Кручина слегка
Дырка мётанная светит
В отвороте пиджака.

Отворот казался чистым,
Не проколот на-авось!..
Тут Никите трактористу
Первым встречным быть пришлось.

Думал он: глядеть по морде,—
Героизма нет следа.
Светит дырка. Что же орден
В ней не светит никогда?

Дескать, скромник я, ребята:
Знаю все, а не скажу.
Дескать, думайте, ребята,
Будто есть, а не ношу.

Цвел бы маков цвет на кочке,
Кабы корень не засох.
Если барин при цепочке,
Значит, барин без часов...

Часть третья

—

*Письмо Олега Полярного Варе Одинцовой,
отправленное вместе с планом
культмассовой работы*

«Безмерно жаль, что Вы больны,
Что к Вам еще закрыты двери.
И это с Вашей стороны
Безжалостно, по меньшей мере.

Чем можно злее и сильней
Страдальца юного обидеть?
Как! Целый месяц! Тридцать дней!
Пять шестидневок Вас не видеть!

Нет большей пытки для души:
Дни коротать под взглядом строгим.
Хотя в такой, как здесь, глуши
Меня понять дано немногим.

Вручаю душу Вам с письмом.
Лишь Вы ее поймете чутко,
Пусть не прозрением рассудка,
А сердца трепетным умом.

Семь тысяч лет тому назад,
Когда впервые жил на свете,
Я был Вам близок, словно брат.
И эту близость рок отметил.

То слиты, то разделены,
Два кажущихся лунных круга,
Мы с Вами снова рождены,
Чтоб снова обрести друг друга.

Быть может, речь моя темна.
Но голос чувства слишком ясен.
Он, полагаю, не напрасен.
Вы в мире у меня — одна.

Вот, подступает к сердцу грусть.
И — сердце падает со стоном...
Зовите! Я в момент примчусь
С пластинками и патефоном!

Есть и еще один сюрприз:
Чулки под пломбой заграничной.
Поверьте мне: Вы родились
Для жизни, в сущности, столичной.

Клянусь судьбою всех планет,
Мы будем вместе скоро... скоро...
С тревогой жду от Вас ответ,
Как ждет преступник приговора.

О. Полярный».

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

*Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса.
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи—роса»?*

Л. Мей

Рано утром Дуся в поле.
Муж с постели не встает.
Нынче болен. Завтра болен.
То спина. А то живот.

Пил горячий чай, малину,
Пар пуская изо рта.
И ворочался на спину
С живота.

Полежит в уединеньи.
Тещи нет. И нет жены.
И — в обратном направленьи:
На живот
Со спины.

Но с лица бедняга Яша
Не бледнел и не худел.
Ел исправно щи да кашу
И к сметане с простоквашей
Склонность явную имел.

Поднимался Яша редко.
Лежа, набирался сил.
Все же раза два соседку
На конфеты пригласил.

Слава богу, дней печальных
Завершился хоровод.
Кто теперь его начальник?
Только Дуся, звеньевод.

Промышляет Дуся в поле
Хорошо по части льна.
Там за мужа лен прополет,
Травку выщиплет она.

С ней не будешь посрамлен.
А придет — скажу плутовке,
Что влюблен
В душистый лен,
В светлый лен ее головки...

Дуся с Варей говорила.
Дуся Якова журила.
И просила, как жена...

Дуся вскоре сообщила,
Что звено постановило:
Яшку
Выгнать из звена.

Дуся косы заплетала,
Лентой палевою.
Дуся песню напевала,
Приговаривая:

— Ворковал голубок,
Тешил ласкою.
Улещал голубок .
Песней-сказкою.

Он летел голубком
В нашу сторону .
Только был голубок
Черным вороном.

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

Две девицы, дусины подруги,
В кофтах шелковистого батиста,
Громко обсуждали на досуге
Действия приезжего артиста.

— До чего дотошен человек,
Ловок в танце, в обращеньи ловок.
Начал репетировать Олег
Пять кусков из разных постановок!

Тут тебе и сказка, тут и быль.
Тут и песня, и стихотворенье...
Тут и смехотворный водевиль.
Тут и цирковое представленье.

— Будет, говорит, живой медведь
Напоказ плести на сцене лапоть.
Будет настоящий гром греметь.
Будет дождь над публикою капать.

Будет, говорит, ползти отряд
По проходам зала со стрельбою.
Понагонит страха на девчат!
Где ж Никите выдумать такое?

У Никиты боевой сезон.
Целый день рулит во все лопатки.

Впрочем, что-то мастерит и он
Вечерами в полевой палатке.

Нынче пьесы Гоголя ему
Трактористки повезли с ночлега.
Только все же, видно по всему,
Далеко Никите до Олега...

— Вот и Дуся! Слышала... дела?!

— Слышала, да не видала толку.
Я тебе, подружка, принесла
В целости жемчужную заколку.

Поносить не долго довелось.
Вспоминать об этом неохота!
С Яшей мы уже — постели врозь.
В общем, выгоняю обормота.

Все хворал. Валялся на спине.
У соседки... вылечился быстро.
Да еще, подлец, посмел ко мне
Ухажора подослать, артиста.

На слова фальшивые польстясь,
Проглядела волка в лисьей маске.
Не амбар, а сердце обокрасть
Умудрился выкормыш кулацкий..

Сумерки синели за окошком.
С поля стадо улицей прогнали.
Близко-близко слышалась гармошка,
Скрипкой прозвучавшая вначале.

Значит, где-то кончилась работа.
Где-то в этот час она начнется.
Шли доярки из-за поворота.
Старики стояли у колодца.

Грузовик из-под откоса вылез,
На строительство помчался лугом.
Лошади при встрече сторонились,
Но уже почти что без испуга.

В небе поднялась луна большая.
Крепли сумерки. Росла прохлада.
Дуся приутихла, провожая
Взглядом за бригадою бригаду.

Люди шли, болтали, напевали.
Дуся улыбалась вместе с ними.
Девушки друг другу называли
Бригадира отчество и имя.

Знали, сколько у кого семейства,
Знали счет заслугам и изъяснам...
— Павел Дмитрич был красноармейцем.
— Дмитрий Павлыч красным партизаном.

— Вот Андрей, сын конюха Ефима...
Загуляет — может выпить бочку...
Люди долго проходили мимо
Парами,
Толпою,
В одиночку.

И, стараясь поравняться с парой,
Скрывшейся за свежим палисадом,
Яшка Глотов шествовал с гитарой.
С ним артист Олег качался рядом.

Кто видал,
Тот окна открывал.
Яшка шествовал
И напевал:

— Я Матаню заматаю,
Сам я заматаюся.
С той поры свою Матаню
Я любить закаюся.

У Матани всю посуду
Перебить желательно.
Семерых любить не буду.
Двоих — обязательно.

Ух! Ух!
Люблю двух.
Погляжу —
Один лежу...

ПИСЬМО ВАРИ ОЛЕГУ ПОЛЯРНОМУ

«Семь тысяч лет ответ пиши,
Но дать достойный — не под силу.
Не душу, целых две души
В одном конверте
Получила.

Ваш план гласит: «район бурлит».
В письме район зовете «глушью».
Еще один опасный вид
Искусников по двоедушью!

В письме служебном — восхвалить,
В посланьи личном — обесславить.
Себя свирелью усладить,
Других трещоткой позабавить.

Мякину с патокой смешать,
Преподнести в медовых сотах...

И тут же
Бойко рассуждать
О сверхклассических высотах!

Лежат в конверте два письма,—
В каком из писем больше фальши?
Мест для прогулок в мире тьма!
Ищите их от нас подальше...

На предложение в ответ
Скажу,— мне час свиданья дорог.
Но чур:
Прождав семь тысяч лет,
Повременим еще лет сорок.

В. Одинцова»

Часть четвертая

ЭПИЗОД ДЕСЯТЫЙ

На весеннем торжестве природы
Не трава, не первая листва,
Не цветы, а полезные всходы
Главные герои торжества.

Мы с весной роднились в эти годы
Самым светлым, праздничным родством,
Потому что торжество природы
Стало нашим торжеством.

Нынче всходы — хоть пляши,
Пой, родимые.
Яровые хороши
И озимые.

Веселится молодежь,
Рада случаю.

Клевера, пшеница, рожь —
Лучше лучшего.

Старики пошли на клин
С огородов.
— Сортовой овес один
Не дал всходов.

— Почему да отчего,
Что случилось?..
В «Малых Соснах» торжество
Омрачилось.

Кручин смело поднял это дело.
Ловкой речью всех сумел увлечь.
На бюро райкома загудела
Кручина напористая речь.

Документами скрепляя слово,
Кулаком стуча о край стола,
Доказал, что Варя Одинцова
Здесь была виновницею зла.

— Отвлекла вопросом о дороге
От задачи сева весь колхоз.
Поле наспех вспахано. В итоге —
Погубили сортовой овес.

— Я предупреждал. Спросил: готова
За весенний сев нести ответ?
Что мне отвечала Одинцова?
«Я готова». Правда или нет?

Правда! И об этом я тогда же,
Если помните, писал в райком,
Чувствуя, что по указке вражьей
Одинцова действует тайком.

— Он сошел с ума!— вскричала Варя.
— Ты полегче,— кто-то поддержал,—
Варя Одинцова — наш товарищ...
Кручин, не смущаясь, продолжал:

— Умысел доказан. Вот основа.
Надо теребить за нитью нить.
Следует, во-первых, Одинцову
Из рядов партийных исключить...

Тут сдержаться Варя не сумела.
Кровь рванулась к сердцу горячо.
Миг. И склянка с клеем полетела,
Угодив докладчику в плечо.

Тот вскочил.
— Теперь судите сами:
Шапка загорелась. Пойман вор!—

Зал, наполнившийся голосами,
Загремел:
— Распущенность!
— Позор!

Вздрогнул телефон тревожной дрожью.
Секретарь райкома трубку снял.
Он сказал:
— Решение отложим.
Есть по делу новый материал.

ЭПИЗОД ОДИННАДЦАТЫЙ

Вбря, побледневшая, худая,
Вышла, причитая, как в бреду:
— Я пойду. Куда? Сама не знаю.
Все равно. Куда-нибудь пойду.

В сторону оврага повернула.
Опустилась к зарослям ручья.
Видела, как из-под ног шмыгнула
И свернулась тонкая змея.

Брызги ржавчины на темной коже.
С длинным жалом крохотная пасть.
До чего на Кручина похожа!
Тьфу ты, гадость... Чтоб тебе пропасть!

Варя побежала на пригорок,
Через ручеек, что было сил...
«Это он во мне увидел вора?
Эго он меня разоблачил?»

Кажется — нелепо. А выходит
То, что я — причина скверных дел.
Если бы поближе был Володя,
Как бы он на это поглядел?

Ах, Володя... Жив ли ты, мой милый?
Победишь ли ты лихой мороз?
Ты сказал бы: «Варе не хватило
Выдержки. И в этом весь вопрос».

Варя шла вперед по травам росным,
В пустыри, в репейник, в лебеду.
«Вот видна дорога к «Малым Соснам».
Знаю я теперь, куда иду».

Скоро месяц загорится в небе...
Варя шла. Навстречу ей — возки.
Старики везли к дороге щебень..
«Ба! Да это наши старики!

Сеятели невзошедших пашен!»
— Варя... Да неужто из Лихвы?
— Что же это вы, друзья-папаши?
— Нет уж, дочка! Что же это вы!

— Кто-то из района вредоносый,—
Чтоб ему издохнуть, шарлатан,—
Нашему колхозу, «Малым Соснам»,
Никудышных подослал семян.

— Семя оказалось, что мякина.
Ясный факт: заражено зерно.
Хорошо, что сеяли иолклина...
За такой подвох родного сына
С моста в речку кинуть не грешно.

— Не видать пощады виноватым.
Уж чекисты тут найдут концы.
Сваливай, Петрович,— да по хатам.

— Едем, дочь...

— Поехали, отцы!

ЭПИЗОД ДВЕНАДЦАТЫЙ

На скамейке у плетня сидят
Делегаты
Тракторных бригад.

Крепнет говор. Вьется дым махорки.
Затвердели рукавов края.

Синие спецовки-гимнастерки
Маслом пропитались до белья.

В лицах — возбужденье и усталость.
Светятся белки горячих глаз.
Трактористам в этот раз досталось,
Как и полагалось, в самый раз.

Сколько страсти, трезвого расчета,
Силы воли влито в эти дни!
Дар народной ласки и почета
Честно заработали они.

Трактористы час-другой урвали.
Опрометью бросились сюда.
— Слух донесся, что у Вари
В жизни новая беда.

— Вереницей входят беды,
Лишь одну к себе пусти.
Но такой беды, как эта,
Варе не перенести.

— Ты серьезно?
— Я серьезно.
— А в райком пойти не поздно?
— Был в райкоме. Говорят —
Переплет тяжелый создан...

— Неужели исключат?

— В первый раз авось не взыщут.

Обойдутся мягче с ней.

Где ж еще в районе сыщешь

Девушку умнее, чище,

Преданнее и честней?

— Кто у нас в любой затее

Был началом всех начал?

Кто, скажите, всех смелее

Вражьих псов разоблачал?

Это знают. И простят.

Если взгреют, то не шибко.

Говорят, была ошибка.

Преступленья, говорят.

— Исключат...

— Не исключат...

Варя входит в палисад,

Молвит:

— Всем вам добрый вечер!

Никакой ошибки нет...

А ребята ей навстречу

Улыбаются в ответ.

Часть пятая

ЭПИЗОД ТРИНАДЦАТЫЙ

Маляр и двое штукатуров
В конторе полчаса подряд
Сидят, бранят Дворец культуры
И говорят:

— Сна не видим. Нету мочи.

— Ясный факт. Давай расчет!

Вот уже четыре ночи

Спать ни часу не дает.

— Ляжем в верхнем этаже,

Слышим в нижнем адский хохот.

Ляжем в нижнем этаже,

Под землею слышим грохот.

— И в кладовках побывали,

И пристройки обыскали,

Забирались на чердак,—

Не могли найти никак.

— Ищем с лампой... Никого!
Спим. Сначала—ничего.
Вдруг—завоеет по-собачьи,
Завизжит по-поросячьи...
— Что хотите говорите,
Только это—колдовство!

— Ишь, старик мозги туманит
Болтовней про колдовство.
Просто кто-то хулиганит.
Вот и все.
— Поймать его!

Знать, вредитель озорует:
В окнах камнем стекла бьет,
Инструмент у нас ворует,
Спать спокойно не дает!

Яшка Глотов тут в конторе
Невзначай с Олегом был.
Никого не тронув в споре,
Он, сердясь, заговорил:

— Темнота! Стыдиться надо
Городских хотя б гостей.
Ну-ка, дайте мне бригаду,
Я вам выведу чертей.

Наваждение! Хохот адский.
Вой собак из-под земли...
Ишь ты, бабушкины сказки
С перепугу развели...

Кабы мне бы, у меня бы...
Я бы... вам бы... дал понять!

Варя шукнула прорабу.
Тот сказал:
— Ребята, спать.

Не к лицу рабочим людям
Несусветный этот вздор.
А насчет покоя будет
С Одинцовой разговор.

Ладно. Делать нечего.
Разошлись до вечера.

Варя вечером пришла.
Речь-беседу повела.
Отвечала на вопросы,
Выясняла, как дела...

Чай пила. Баранки ела.
В общем хоре песни пела.

А покуда
Суд да дело—
Ночь на крыльях прилетела.

ЭПИЗОД ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Воздух сочный, теплый, летний.
Люди спят. Кругом темно.
Варя в комнате соседней
Смотрит в звездное окно...

Ночь легко сдувает с неба
Золотистое зерно.
Вот летит... Летит... Упало.
Загадаю!
Загадала!

Сердце, тихо... тихо... тихо...
Он спасется! Он живой!
Он по звездам ищет выход
Из пустыни снеговой.

Сердце, мчись навстречу страстно,
Не рассыпья на лету.
Будь звездой, что не погаснет
И не канет в пустоту.

Озари туман постылый...
Загляни к нему в жильё...
Будь звездой, дающей силу,
Сердце верное мое.

Будь звездой, с кремлевской схожей.
В ночь свети, красуйся днем!
Он спасется.... Мой пригожий...
Тот, кто всех людей дороже,
Тоже думает о нем...

Замечталась...

Тихо...

Вдруг—

Стук!

И — следом дикий звук.

Замычало, зарычало.

И пошло писать вокруг.

Варя в комнату, к ребятам.

Те вскочили.

— Вот те на!

Начал музыку проклятый...

Выкрик.

Снова тишина.

Бригадир сказал:—Не бойся!
Вот идут... Шаги вдали...

Вскоре трое комсомольцев
«Чорта» в комнату ввели.

— Что ж, в конце концов поймали.
Обыскать пришлось подвал.
Там схватили и связали.
Вот он родненький! Узнали?
Ну-ка, к свету!

— Я узнал!

— Я узнал!

— И я узнал...

Яшка, скрученный веревкой,
В центре комнаты стоял.

Часть шестая

ЭПИЗОД ПЯТНАДЦАТЫЙ

*Скучная картина:
Тучи без конца.
Дождик так и льется.
Лужи у крыльца.*

А. Плещеев

Убран хлеб.
Зазеленела озимь.
Скошен клевер.
Обмолочен лен.
Пламенем багровым встретил осень
Сгорбленный, выдавший виды клен.

Тот же дождик
Ту же землю студит.
Те же тучи
В мутной высоте.
Тот же листопад. И только люди,
Люди в нашей местности не те.

Слушая
Гортанный говор галок,
Шелест листьев,
Журавлиный взлет,—
Бабка Степанида полушалок
Сказочной расцветки достает.

Сорок лет назад,
Когда венчалась,
С материнских плеч его сняла.
В нем постом, бывало, причащалась.
В нем бы,
Может быть, и померла.

Только, видно, помирать не к спеху.
В жизни столько нового всего!
Бабке надо
Непреренно ехать
На вокзал,
Где нынче торжество.

Там свою землячку боевую,
Дусю,
Что прославила Лихву,
Нашу дорогую звеньевую,
Провожают
К Сталину, в Москву.

Без нее село и не смогло бы
Вырастить такой небесный лен.
Вот за этот лен
Червонной пробы
Красный орден
Ей определен.

Бабка скажет дочке ненаглядной:
— Полушалок на плечи накинь,
В Кремль приедешь
Самою нарядной
Изо всех
Народных героинь.

Воет ветер.
Частый дождь крепчает.
Поит землю на зиму водой.
Но дождя почти не замечает
Придорожный
Тополь молодой.

Он стоит высокий,
Чуть надменный.
Сквозь завесу мглы
Глядит в зенит.
И на удивленье всей вселенной
Серебром листвы своей звенит.

В лад листве
Рванулись в поднебесье
Сотни звуков в той же чистоте.
Те же голоса...
Но только песни,
Песни в нашей местности не те.

Можно спеть
О том, что дни уходят.
И о том, что у крыльца—мокреть.
Можно спеть...
Но при любой погоде
Мы непрочь о радости запеть.

И—навстречу
Осени угрюмой,
Дома ли, в далеком ли пути,
Нам отрадно
Солнечные думы
О чудесной родине нести:

—«Широка страна моя родная!..»
Голоса взлетают выше крыш.

Станция.
Витрина.
В ней сверкают

Свежей краской
Несколько афиш.

Вот одна:

29
Н о я б р и

29
Н о я б р и

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

*В день годовщины Ленинского
КОМСОМОЛА*

Драмкружок покажет

БЕССМЕРТНУЮ КОМЕДИЮ Н. В. ГОГОЛЯ
«РЕВИЗОР»

*Постановка тракториста
Никиты Бровкина
В роли Хлестакова
артист О. Полярный*

Начало после ужина

ЭПИЗОД ШЕСТНАДЦАТЫЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тот же лес. Такая ж осень.
То же поле. Та же гать.
Только путь от «Малых Сосен»
Не узнать.

Здесь, по бывшему проселку,
Вдоль засеянных равнин
Нынче едет не двуколка,
А машина М-1.

Вот открылся с косогора
Двум сердцам знакомый мир.
Обращается к шоферу
Синеглазый пассажир:

— Ты домой вернулся, милый,
Словно из небытия.
Расскажи, как это было?
— Полно, ласточка моя!

Это есть во всех газетах
От четвертого числа.
Ты, небось, не раз об этом
Сверху донизу прочла.

На безвыходных дорогах
Одиночества глухого
Я, мой друг, не ощутил.
Было выдержки немного:
Это значит—выход был.

Я вблизи от самолета
Промышлял на льду охотой,
В общем, Варя,—ничего.
Но дружкам моим, пилотам,
Им-то было каково!

Драгоценных наших парней
Повернуть трудненько вспять.
Эх, бросает в дрожь опять:
Каково в глуши полярной
Человека отыскать!

От беды спасти ползучей!..
Ладно! Свой поведай случай.
Был он крут, коли не врут.
Что же, Кручин-то раскручен?
— Раскрутили! Скоро суд.

Посевных побед глашатай,
Был на деле враг заклятый.
Вместе с бандой стервецов
Семена травил проклятый.
И накрыт в конце концов.

— Волк не слопал комсомолку?
Обломали зубы волку?
Впрочем, чорт его бери...
Варя, что же ты умолкла?
Дорогая... Говори...

— Товарищ Гарин, сбавьте газ!
Я здесь теперь, пожалуй, лишний.
Вы поезжайте! В добрый час!
А я сойду у этой вишни.

Как хорошо теперь в лесу.
Несут деревья на весу
Листву последнюю, чуть горбясь.
А я отсюда унесу
Волнующий и теплый образ.

Ах, если б мне его сберечь
Таким, чтоб был он встречен всеми,
Как ясную встречают речь.
Итак, друзья, до новых встреч!
Привет... Увидимся в поэме!

Дождь перестал. Из-за ракит
Взлетает белогрудый сокол.
А солнце, словно хризолит,
В зеленых облаках, высоко
Над хвойной чащею висит.

Голубизна пронзает высь.
На север тучи понеслись,
Слепые вестники ненастья...

Я знаю, что такое жизнь
И что такое
Счастье.

ОГЛАВЛЕНИЕ

С т и х и

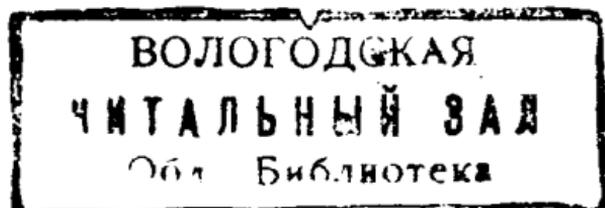
Граница	5
На улице в Тарнополе	7
Танкисты	9
Высота	11
Бессарабия	12
Живой богатырь	14
Седовцам	16
Чкалов	17
Первый полет	19
Запев	21
Белая береза	23
Прощание с морем	25
Возвращение к морю	27
На Волго-канале (<i>Романс</i>)	29
Н. Н. Асееву	31
Остафьево	32
Песня о звездах	35
Ручеек	37

Переводы

Под лупой времени	41
Песня матери	43
Расцветай	45
Алымкан	47

ПОЭМА

Варя Одинцова	49
-------------------------	----

Редактор Д. Кедрин

*Тираж 10 000 экз. Подписано к печати 21/1 1941 г.
А27273. 3 $\frac{1}{2}$ печ. л. 2,6 авт. л. В печ. л. 36736 зн.*

Цена 2 р. 50 к.

*Отпечатано в 6 типогр. ОГИЗ'а РСФСР треста
„Полиграфкнига“ Москва, 1-й Самотечный пер.,
д. 17. Зак. 397*